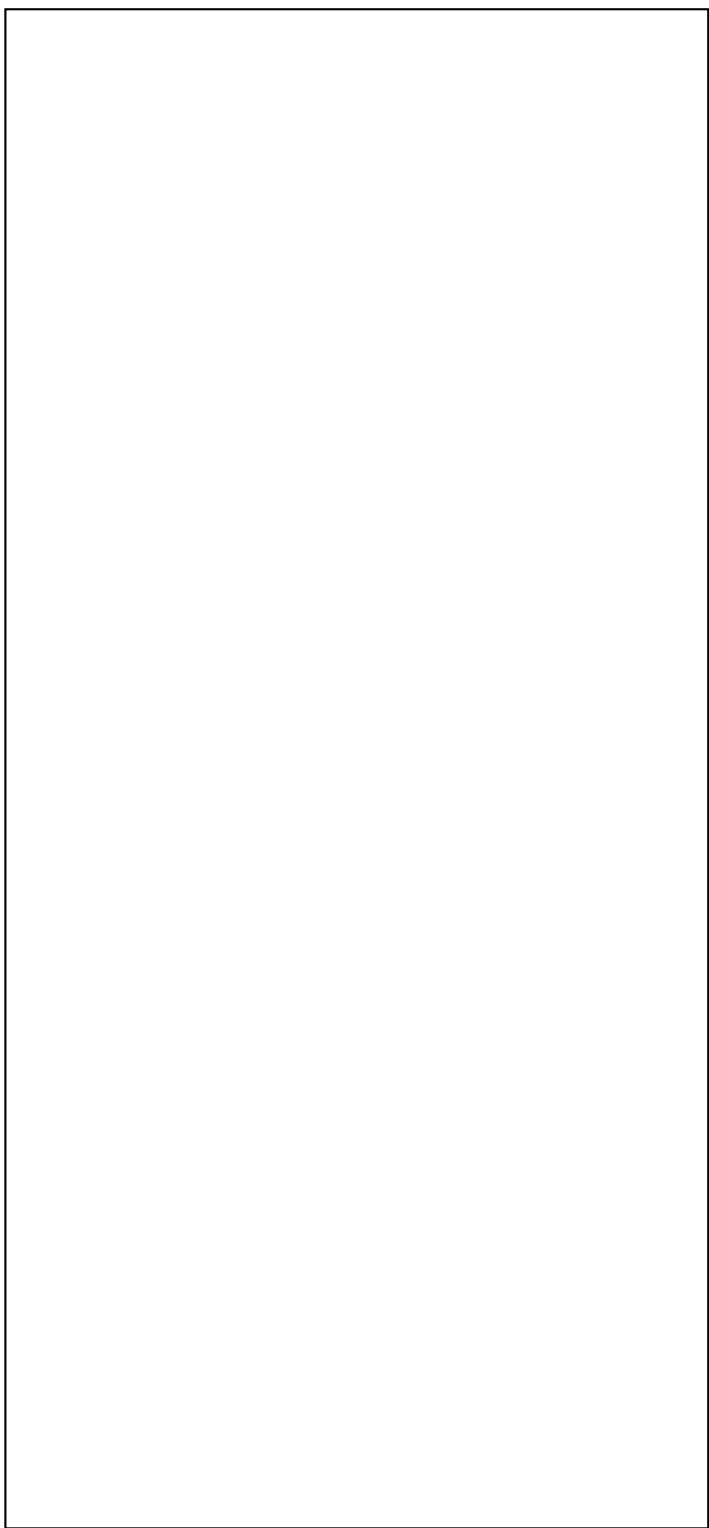

650 лет **Боровску**

1358
2008

Мы в городе этом
бродили давно –
До эры цветного ТВ и кино,
Когда обносила
снегами зима
Деревья, соборы,
ограды, дома...

Прогулки по Боровску

Эльвира
ЧАСТИКОВА

СТИХИ

Боровск
2008

ББК 63.3 (2Рос—4Калуж)
УДК 908
О 74

художник
Вячеслав ЧЕРНИКОВ

Частикова Э.Н.

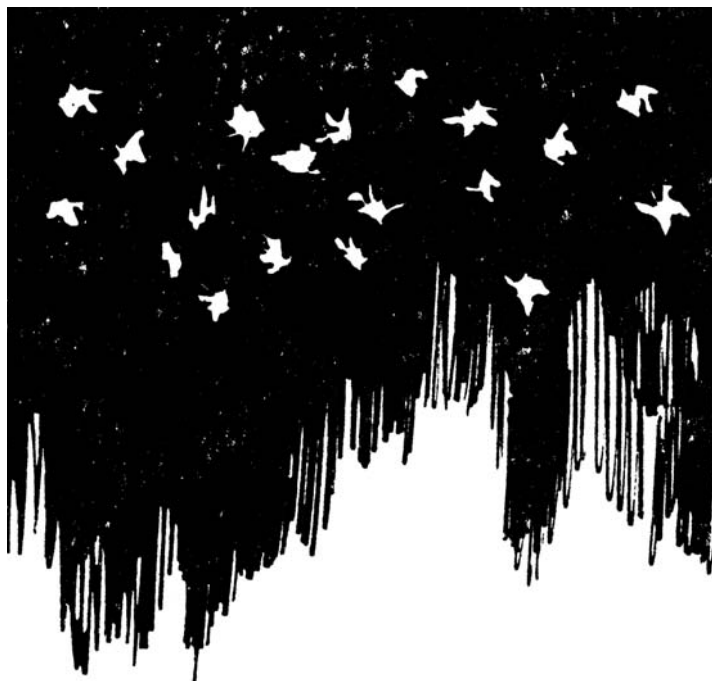
Прогулки по Боровску. Стихи. / Худ. В.А. Черников. — Обнинск, 2008.
— 112 с.: Ил.

Прогулки по Боровску — давно задуманная книга. Еще в середине 80-х годов XX века мы открыв для себя очарование Боровска и посвятив ему несколько первых своих стихов и картин поняли, что наше отношение к этому неповторимому городку нельзя передать отдельными строчками и картинками. Хотелось большего, чем просто поделиться в нескольких строчках своими открытиями. А город заставлял все пристальнее вглядываться в себя, открывать все новые и новые свои уголки. И мы с замиранием сердца бродили по его кривым улочкам, спускались к берегам извилистой Протвы, всматривались в темную глубину бора, удивлялись крутизне склонов текижинского оврага, откуда город предстал вдруг обобщенным образом Руси, России... Стихи публиковались, картины выставлялись... Оказалось, что Боровском восхищены тысячи людей по всей стране. Художники и писатели, актеры, ученые, политики отзывались о нем с любовью, но и с грустью, сетуя на запустение и разрушение его памятников.

ISBN 978-5-7111-0418-6

© В.И. Прокошин, 2008 г.
© В.А. Черников, дизайн, вёрстка, 2008 г.

**ЦИКЛ
«ОТКРЫТИЕ БОРОВСКА»**

ГРАФИЧЕСКИЙ БОРОВСК

Мы в городе этом бродили давно –
До эры цветного ТВ и кино,
Когда обносила снегами зима
Деревья, соборы, ограды, дома.

Блестели в нарядах своих кружевных
Оконца, лампы мерцали в иных.
Мы, глаз отвести не умея от них,
Пред жизнью чужой застывали на миг.

Бывало, что в кадр заплывал силуэт,
Томя узнаваньем. Пафнутий? Да нет!
Усы, борода... Циолковский! – Из лет
Учительства. Тут сохранился и след.

Как этих следов любопытен язык!
Уж раз был учитель, был и ученик.
Мы шли, не сбиваясь, то в гору, то – под...
И нас Евтушенко встречал у ворот.

А что вы хотели?! Снималось кино.
Глотая крепленые дни, как вино,
Командовал действием Савва Кулиш.
Мотор! Билось счастье сосульками с крыш.

Потом отзывались протяжно холмы
Церковными звонами... Знали бы мы,
Что именно сны черно-белой зимы
Сбываются светом, завесами тьмы
Средь гжели небесной, земной хохломы!

ЦИОЛКОВСКИЙ

Усталый Боровск, ты, как жук, под вечер
Скрываешься, в себя уходишь, нечем
Побаловать тебе пустых гуляк,
Пинающих попавшийся голяк.

Нет, я не упрекаю тебя, что ты!
Подумаешь, соседний Обнинск соты
До неба раззолачивать горазд!
Твой Циолковский выше зрит, фантаст.

Считает звезды, лампочки Господни.
Я подходила в семь часов сегодня,
Его касалась – собственно металл,
Но – цифры запредельные шептал.

Он одухотворен, он – сам с собою.
Он так тебе идет своей волшбою,
Нацеленной ракетой на Луну,
Возвысивший в пол зрящую страну!

Такого шепетильная Европа
Не против чтить. Но, Боровск, ты особо
Не смотришь в улыбающийся рот –
Не до того, когда есть огород.

Ботвою пахнет в воздухе, кострами
Далекими... Прильнув к оконной раме,
Наличник нежно кружево плетет.
Шесть позади веков, седьмой идет.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Боровск кошкой выгибает спину.
Кажется, вот-вот нырнет в малину,
Искры с шерсти разбросав в траве,
Чтоб не сомневались в естестве.

Нет, он за вершиной брать вершину
Заставляет, будто бы в родстве
С Ялтой. Водит нас по серпантину,
Развлекает спусками к Протве.

Он не видит, собственно, причину,
Чтоб скрывать неровность, как морщину.
Это дело слабых в большинстве,
Кто не ищет смысла в Божестве.

Он не верит ни огню, ни джину,
Крест свой оmyвая в синеве.
- Жизнь в преодоленье. Я не сгину,-
Кажет он,- удвоившись в Протве.

ЦЕНТР СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Вот город, вот площадь, вот Ленин на площади Ленина.
Машины снуют, как жуки. Можно шею свернуть,
Когда переходишь. Соседняя улица вспенена
Сиренью, дающей бензин перебить хоть чуть-чуть.

Провинция, ну, а движение – прямо столичное.
Куда всех несет через Боровск? На аэродром?
-Боярыня где похоронена тут? – симпатичная
Старушка меня окликает, купившая «Бром».

Рукою, как Ленин, показываю от аптечного
Киоска ей путь, не улавливающей на слух.
-Ах, боже мой, боже мой, нет ничего в мире вечного,-
Бормочет она и двуперстием крестится вдруг.

Центр старообрядчества – Боровск – своей правдой голою
Все держится. Манит, зовет амплитудой ветвей.
И хмурый Ильич отпускает с руки птицу-голубя,
Бессильный хоть что-нибудь сделать под взглядом церквей.

В ХРАМЕ

Чтоб энергией зарядиться,
Надо в храме под купол встать,-
Наставляет меня сестрица,
Испытавшая благодать.

Я встаю. Луч солнца пылится
С верхних ярусов до дверей.
Херувимов детские лица
Все живей на фресках, живей...

Белокуры, курчавы, схожи
С крошкой-Лениным до того,
Словно он был ангелом тоже
Прежде чем бес вошел в него.

Божий замысел столь непрочен?
Я крещусь, тянусь по лучу
К центру, глядя в Христовы очи.
Я незыблемости хочу.

-Что, сестра, на моем примере
Скажешь мне, пылинке луча?
-Что сомнения ближе к вере,
Чем незыблемость Ильича.

ОКНО

За окошком осень, за окошком Боровск.
Ходит кот матерый ловко по заборам.
Дразнятся сороки, мечутся синички,
Знающие лично все его привычки.

- Мельтешат, боятся, - думает охотник,
Колышки считая под собой охотно.
Ржавый лист мелькает. Сад дарами сорит.
Солнышко садится под мотив "I am sorry".

Церковь, что сияла постоянно летом,
Хочет обернуться строгим силуэтом,
Глядя на деревья в их аскезе. Что же,
Кот пятнистый черным делается тоже.

Да и целый город, выявив рельефы,
Прячет все нюансы, как богатый в сейфы
Ценности. Но Боровск и без позолоты
Нравится мне в раме черно-белым фото.

НА УЛИЦЕ ВОЛОДАРСКОГО

А.Файнгерс

На юг! На юг! Клубятся по- дикарски
Грачи над головою, день черня...
- А кто такой, простите, Володарский? –
Прохожий выясняет у меня.

- Один из тех, кто не был здесь ни разу, -
Предполагаю.

- Из марксистов, чай,
Входящий в обязательный их пазл?
А нет в названьях улиц боровчан?

- Два, три... Но не найдёте Чебышёва,
Сенявина. Давно силовикам
Всё роздано. Поди, для Вас не ново,
Ведь Вы у нас проездом не из Канн?

- Карр, Прянишников, карр, Владимир Храбрый, -
Орут грачи, грассируя на «р».

- Будь Ваша воля, Вы назвали как бы
Тут улицы? – знать хочет. – Например!

- В восточном стиле: «Пламенных бегоний»,
«Грибных дождей», «Настойчивых грачей»...
Поскольку не могу без их симфоний
Своей представить жизни, и – ничьей!

ДУША

Л. Киселевой

Сердце молния пронзила.
Поводырь ведет слепой.
Научи меня, Людмила,
Не заплакать над собой!

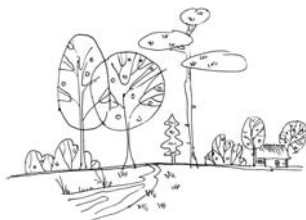
Ты умеешь. Ты сильнее
Сострадающих тебе.
И вопрос «кому больнее»
Не мусолишь, как плетей.

Телефон твой по режиму
«01» живет давно.
И стучит, не в силах мимо
Пролететь, октябрь в окно.

В вазу просится шальная
Ветка с листиком резным.
Как ты, женщина земная,
Смотришь взглядом неземным!

Как ты голосом-голубкой
Приобщаешь, не спеша...
У самой же в теле хрупком
Для опоры – лишь душа!

Если взвесить (не на граммы),
То прости за слово «лишь».
Научи! Как учит маму –
Все на свете мочь! – малыш.

ДЕНЬ Ё

В. Черникову

Меж яблонь корчится бельё.
Мороз. Снег целит в чьи-то очи.
Вот день сегодня, ё-моё, -
День Ё – особый, с двоеточьем!

В нем – право перечислить то,
Что нам желательно от неба:
Одним – любовь, другим – авто,
А третьим – возвращенье НЭПа.

Расставив точки все над і,
Ещё над ё теперь поставим.
И глянем на дела свои –
На птиц, отбившихся от стаи.

Да каждой твари и должно
По паре быть (жена при муже),
Чтобы из вечности звено
Не выпало, баланс нарушив.

День Ё – дозорный выше крыш,
Следящий за порядком в оба.
В его бинокле и Париж,
И чьи-то рожки за сугробом.

Отчасти – фантазийный день,
Отчасти – день реальный. Впрочем,
Фонарь, сбив шляпу набекрень,
Сдурел от мельтешащих точек.

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

Н. Милову

Мы ходили за лозою,
Чтоб корзинок наплести.
Но чудовишной грозой
Были встречены в пути.

Молнией черкало небо –
Вжик – автографы свои.
Ты в ответ твердил: « Не требо».
Я: «Мерси» и «Бон нюи».

Нам казалось – ночь настала,
Страшный суд, конец Земли.
Реки жидкого металла
С неба грозного текли.

Были мы никто на узкой
Тропке – дрожь одна и слизь.
И откуда мой французский,
Твой украинский взялись?!

Из другой какой-то жизни,
Позабытой за века?
Жаль, ковчег в моей Отчизне
Не найти наверняка.

Но, не плача и не ноя,
Мы молились. Дух мужал.
И Создатель Слово, Ною
Как-то данное, сдержал.

Вмиг повисло коромысло
Радуги, и мир стал нов.
А корзинок (в разных смыслах)
Нам наплел наш друг Милов.

ПРОВИНЦИЯ

В. Овчинникову

Ты ловко рисуешь на стенах старинного Боровска.
Приезжие машут руками, кричат тебе:- Здравско!
Свои же – глаза опускают и вроде не жалуют,
Другим, подзаборным, прощая их азбуку шалую.

В провинции больше всего доверяют привычному,
Простому, житейскому, ясному, явно безличному.
А ты будоражишь и опережаешь течение,
Стремясь разгадать живописно сей жизни значение.

Ты кистью своей воскрешаешь, борясь с амнезией,
Далекое прошлое, переживая с Россией.
Но многих ли тянет в историю, в жуть, в потрясения?
Беспамятство хоть и болезнь, но порою – спасение.

Ты хочешь знать, с кем я? Конечно, с тобой и приезжими!
Приятно прибиться к их стайке, глазами их свежими
Глядеть на разбитые улочки с дивными фресками
И век совмещать свой с иными веками нерезкими.

ЦИКЛ

«ХУДОЖНИК И МУЗА»

* * *

Пока ты сидел у мольберта,
Меняя пастель на гуашь,
Я шла по сугробам, как Герда,
Врастая в российский пейзаж.

Я шла со слезою от ветра,
Втянув день в ее зеркала.
И шляпка из темного фетра,
Как Вере Холодной, мне шла.

Качались деревья уныло.
Вжимались прохожие в мех.
Я трудной улыбкой ловила
Их взгляды сквозь крапчатый снег.

По пышной, скрипучей, огромной
Зиме, коей март – не предел,
Я шла через Боровск твой - к дому,
Где ты у мольберта сидел.

И смешивал стили, и планы,
Как будто навстречу спеша...
Я знаю, пока мы желанны,
В нас Музы крылами шуршат.

Мы можем наладить работу,
Направив иначе чуть-чуть,
И в замысел свежее что-то,
Как в мертвое - душу вдохнуть.

Ты образ искал безотчетно,
Меня извлекая из сна...
Иначе какого бы черта
Я шла, если я не нужна?!

ЗАВИСИМОСТЬ

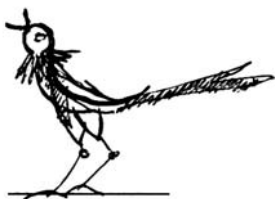
Мой муж – художник, одержимый цветом,
С весны – зеленым, солнышком прогретым,
Которым плещет по примеру веток,
Враз из себя рванувших, как из клеток.

Он летом обожает многоцветье
Как живописец. И лишь в осень медью
Играет, провожая птичьи стаи
В какие-то Италии, Китаи...

Им вслед на темный фон он брызжет красным
Как траур ошущающий. Мол, ясно,
К чему идет...

И зло:- Пошли все на фиг!

Мир черно-белый.
ОН ЗИМОЮ – ГРАФИК.

НА ФОНЕ БОРОВСКА

И. Полежаевой

«На фоне Пушкина снимается семейство»...
На фоне Боровска рисуешь ты меня.
А что, кого-то напрягает это действие
И представляется, как мышь беготня?

Как бы встревожено святое имя все...
Но и позиция арбитра непроста.
Мы все пред городом равны, и ты рисуешь
На фоне лип меня, ракеты и моста.

Четыре храма у меня перед глазами,
Четыре облака, четыре фонаря –
Число апостолов. И зреет между нами
Палитра осени как образ алтаря.

Ты энергично машешь кистью колонковой,
И воздух тайной насыщается окрест.
Но, чтоб предстать мне на известном фоне новой,
Должна и я проделать путь, влача свой крест.

Ты объясняешь мне, как важен свет природный.
Но вечереет. Голос множится. Им вслух
Играет кто-то на поверхности надводной.
И мнится, трижды прокричит вот-вот петух.

ПО ЗАМЫСЛУ

Художник, для чего тебе нужна я?
Ведь у тебя все есть: твоя смешная
Одежда в разноцветии мазков
И мраморность от бриджей до носков...

Как памятник стоишь, лицом похожий
На Всеволода Мейерхольда, все же
При этом штучен и неповторим.
На снег холста накладываешь грим.

Я завожусь, когда ты исподлобья
За мной следишь и пробуешь подобье
Мое слепить из некоего желтка,
Белил, кармина, будто на века.

Ты хочешь подарить мне после первой
Вторую жизнь, когда не рвутся нервы,
Ничто не потрясает, не болит?
Ты веришь в мой самодовольный вид?!

Так, хорошо, я – «Маха», я – «Даная»...
За душу, что вдохнешь в меня, должна я
Платить?

-Ну да, - смеешься, - такса есть,
Антихрист мой, - ббб...

ЖИВОПИСЬ

Фрукты, овощи и вина...
Лодки, яхты, корабли...
То развешу, то задвину
Живопись твою в пыли.

Ведь на все есть настроенье –
От черна и до бела.
Раздвоенье, растроенье
На мечты, долги, дела.

Плещет море в светлой раме,
Размывает все вокруг
И вскипает между нами.
Брось спасательный мне круг!

ОБИДА

Что ж, рисуй, то дело вкуса –
Чей-то рот и чей-то взгляд...
Я не Муза, я не Муза –
Устранилась час назад.

У тебя прошла охота
Подбирать мне цвет к лицу.
Я стою вполоборота
И позирую Творцу.

Оттого на солнце вспышки.
Оттого и в сердце боль.
Но я рада, что Всевышний
Вставит снимки в свой альбом.

В тот, где время триедино,
И любой просвечен им...
Черно-белый смысл картины
Дополняется цветным.

Наши подлинные судьбы
Свёрстаны не как-нибудь...
Ты рисуй, рисуй, лишь суть бы
Не пыталась ускользнуть!

Я пройдусь, слегка пасуя,
Быстрым взглядом по холсту,
Ведь художники рисуют
Не натуру, а мечту!

РЕВНОСТЬ

Я всех соперниц отвергаю гордо,
Угроз для нас с тобою не лепя.
Что – женщины?! Когда есть Боровск, город,
К которому ревную я тебя.

Ты смотришь с высоты его влюбленно
На монастырь Пафнутаев, речки ртуть
В спокойном обрамлении зеленом.
Мне на себя твой взгляд не оттянуть!

Ты в Боровске своим души не чаешь!
Я говорю с отчаяньем:- Он стар.
- Тем краше. Он – не дама,- отвечаешь.
И птица с неба подтверждает:- Кар!

Моложе Ноя, старше Авраама..
По столько люди нынче не живут.
И мне внушает колокол у храма:
«Жизнь – тяжкий труд». И снова: «Тяжкий труд».

Я озираюсь. Все спешат сквозь лето.
Вот женщина с магическим лицом.
Что ревновать?! Однако город этот,
Река Протва у ног твоих кольцом...!

К ПОРТРЕТУ

И. Даниеля

Эта женщина была,
Эта женщина любила
Меж чернильных клумб люпина
Шла, да след свой замела.

Сотня бабочек легко
Разлетелась с юбки пышной.
Тамрико ли, Сулико? -
Помнит разве что Всевышний.

Вспомнит дачник ли простой
Аромат духов нездешний -
С гиацинтами, черешней,
С эвкалиптовой листвой!

Здесь один стрижёт газон,
А другой, как знак вопроса,
Весь отпущенный сезон
Тычется в посадки носом.

Им дано лишь в октябре
Под разливы ветра-мешо
Паутину в серебре
Разорвать и оглядеться.

Отрешившись от проблем,
Проводить грачей в лазури ...
Да гуляла ли тут с кем
Сулико какая, Гури?

Тут крутились все свои,
Подчинённые работе ...
Если бы с глухой скамьи
Кружевной не сдуло зонтик!

Если б зиму напролёт
Не пытал у снежной бури:
- Кто мне милую вернёт? -
Господин в тигровой шкуре!

ПАЛИТРА ЛЕТА

Скользящим воздухом одета,
Я – не иначе, как Одетта
Здесь, у бликующей воды.
Меня подсвечивает лето
И несгораемого цвета
В венок вплетенные цветы.

Не проходи, художник, мимо
Пока лучи мне служат нимбом
И от ресниц ложится тень!
Попробуй передать мой образ
Лиловым, палевым, чтоб оба
Мы удержали этот день.

Прорыв за горизонт – обманчив,
Ведь даже желтый одуванчик
Способен превратиться в дым.
Пока река у нас – не Лета,
Рисуй лазурным, разноцветным
И, если можно, золотым!

**ЦИКЛ
«ДОМОСТРОЙ»**

ОДИССЕЙ И ПЕНЕЛОПА

Жемчужный Боровск – до окна сугробы.
Девятый вал, с могучим гребнем, крыш.
Я выступаю в роли Пенелопы -
Жду Одиссея. Вот он – с парой лыж!

На них он облетел родные дали,
Вершины взял, разлиновал лист дня.
И заслужил любовь вместо медали,
Ну, и обед, конечно, от меня.

Снег с рукавиц и куртки пахнет морем -
Балтийским, Черным... - в общем, дорогим.
Мы по прихожей весело им сорим
И представляем пену, чаек, Крым!

Огранкой окон заняты морозы -
Причудливой, классической, а мы -
Собою, в жизнь подмешивая грезы.
Шум моря – в нашей ракушке зимы.

КОТОВАСИЯ или ИСПОВЕДЬ КОТА

*Собак заводят люди агрессивные,
А кошек – добрые. Не замечали?
Вот в Боровске, тихом уголке России,
Кошки ухоженные и красивые,
Как нигде. Каковы же боровчане,
Если и собаки не одичали?*

*Из тетради психолога:
«Скорее исключения, чем правила»*

Мужик с голубыми глазами
(Сиамский – по внешности – кот)
Принес меня в дом свой, как в замок,
Избавив от мук и забот.

Больного, худого, как спица,
Безродного, с полчищем блох,
Устроил не хуже, чем принца,
Отец мой отныне, мой Бог!

От ласки и жизни хорошей
Холеным и гладким я стал –
Аленом Делоном – из кошек,
На первые метя места.

И зеленоглазая дама
(Не зря мы похожи весьма)
Ко мне потянулась, как мама.
Я вслух и назвал ее: - Ма-а-а!

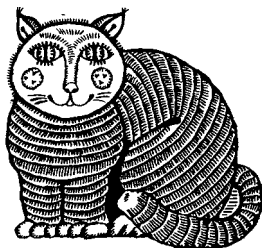
Окрас черепаховый меха
Она похвалила стократ.
«Семейная жизнь есть утеха», -
Такой вывел я постулат.

Меня нежно на руки брали,
Давали валяться в пыли...
Сквозь окна персидские крали
Меня желтой завистью жгли.

Что ж, в полном порядке был, значит,
Я, некогда брошенный кот.
К сиамским ходил... А иначе
Как папин продолжится род?

Я думал: - В Литве и в Корее,
В Гренландии меж вечных льдов
Народы бы стали добрее,
Пример если б брали с котов.

Но камню подобно их слово
(Всё делают наоборот).
Нет, к счастью они не готовы,
Вот мимо оно и плывет.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИДИЛЛИЯ

Внешний мир плетет интриги.
А у нас, адептов рая,
Пауки и паучихи
Остроту углов стирают.
- И от края и до края –
Все в ажуре, - шепчут тихо.

В окна вставлено по виду
И по несколько снежинок.
Красота (о, не завидуй!).
Мы тут на отшибе живы
Тем, что – до сих пор не лживо
И влияет на планиду..

Говорят сердца друг с другом
Перестуками, на Морзе,
Подкрепляясь сном и духом.
И сверчок в моленной позе
Просит наделенных слухом
За двоих, живущих возле...

НЕСМОТРЯ НА ЗИМУ

Есть дом, уют и ощущение
Ну, счастья с искоркой в глазах.
Тебя встречает без смущенья
Хозяин в ситцевых трусах.

А что такого?! Не в Париже!
Да гость и сам – не фон барон!
Лавины грохаются с крыши.
Под стол ныряет кот Семен.

Но, даже глазом не моргнувши
Под драпировкою платка,
Горит спокойно лампа-груша,
Расцветив сорок два цветка.

Тут, несмотря на зиму, – лето.
Курчав выюнок, как серпантин.
Хозяин хоть полуодетый,
Но – автор славных ста картин.

Пока он, как Иван Сусанин,
Уводит в замыслы свои,
Они берут за сердце сами,
Включив глубокие слои.

Кто не бывал тут, побывайте!
Глаза под небо закатив,
Хозяйка – барыня на вате –
Поет стихи на свой мотив.

И в мире нет врагов и брани.
Все на насиженных местах.
И гостю сладко на диване
Спать с «Изабеллой» на устах.

И век, и три, к примеру, ночи,
Копя на новый – дежа вю.
Суть в том, что есть сей островочек,
Где ты живешь, где я живу.

НЕ ВСЕ Ж ЗИМА

«Наполеоном», в несколько слоев,
Ложится снег. Февраль тропу ломает.
А я тебе желаю соловьев
(Не все ж зима!) услышать в близком мае.

Наверное, ты помнишь, что они,
Очнувшись до кукушкиных пророчеств,
Дальнейшие нацеливают дни
На счастье с производными и прочим.

Настраивай свой слух, пока февраль
Пылит снегами, лихо за нос водит.
Мы соловьями движимы, как встарь –
Надеждами. И это вечно в моде!

ХЛОРОФИЛЛ

Женщины, живущие в тени,
Блекнут точно так же, как растенья,
Тихо уходящие под пни,
Тачки, бочки, ящики, каменья...

Для любой внимание и пыл –
Словно солнце для травы и кроны.
Так и мне – мне нужен хлорофилл,
Он – основа глаз моих зелёных.

Милый, я готовлю, бью сервиз,
В зеркало ныряю, брызжу ядом,
Но цвету, как видишь, если близ
Ходишь ты и распалёшь взглядом.

ИКЕБАНА

- Все цветы, которые пахнут, заметьте,
Напоминают о неизбежной смерти,-
Мне, несущей букет, соседи сказали.
- Я и сама, - пропела,- люблю физалис.

Только никто не дарит сухих букетов,
Эдаких овощей кирпичного цвета.
Я могу любого заткнуть за пояс
В икебана, ибо к бессмертию готовлюсь.

В ответ соседи громко захохотали.
Сколько живем, бессмертья, мол, не видали.
- Мало ль что! Не видали вы и богатства,
А оно существует, ну, просто гадство!

Довод мой оказался неоспоримым.
Все замолчали. Я прошагала мимо
С розами, способными поздно иль рано
Стать бессмертными под углом икебаны.

ФАЗА НЕЗАВИСИМОСТИ

Я хочу иллюзии, как в начале:
Говорить на «Вы», расставаться к ночи...
И не ощущать никакой печали
Оттого, что встречи разлук короче.

Находить друг друга везде звонками,
Если повод есть (не искать, коль нету!).
И не убиваться над пустяками,
Что взглянул не так, что сказал не это...

Жить своею жизнью, хотя привязки
Творческие были бы нам полезны.
Ты бы на меня свои тратил краски,
Я бы увлекала тебя в поэзы.

И ничто бы не предвещало ига.
Пусть я по натуре своей азартна,
Ты бы мной дозировался, как книга,
И легко откладывался на завтра.

Ну, а был закрыт бы, тебя я в духе
Песенном сама бы досочинила
И могла спокойно сказать подруге:
- Все мужчины сво...?! Да ты что, Людмила?!

Как вы заблуждаетесь, Надя, Алла...!
Есть ведь и другие – их антиподы.
Можно ли не веровать в идеалы?
И в твою бы честь прочитала оды....

Я хочу за нужною подзарядкой
Возвратиться в лучшую нашу фазу.
И самую быть для тебя загадкой –
Той, что ты разгадывать не обязан.

КРАСНАЯ СТРОКА

Когда твой город будет в искрах и огоньках
И призывно помашет мне хвойной своей рукою,
Я приеду, примчусь на роликовых коньках,
Развернусь пред тобой и предстану Красной строкою.

Что-то начинать всегда лучше с Красной строки.
-То есть, начинай жить с меня,- посоветую честно,-
Своему упрямству и вредности вопреки...
И буду, возможно, вороной поддержана местной.

И ты, наконец не споря, кивнешь головой.
Да, Боже мой, как тут молчаливо не согласиться,
Если женщина готова стать мягкой травой,
Путеводной звездой и огненно-жаркой лисицей?!

И хотя твой город рекой не искрит пока,
А уходит в себя, как ты, ошетинившись хвоей,
Я беру коньки... Шевельни хоть пальцем слегка,
Потому что стараться должны одновременно двое.

**ЦИКЛ
«ВДОЛЬ ГРАНИЦЫ»**

БЛАГИЕ СНЫ

Эти речи, эти лица,
Эти домики в пыли...
Я шагаю вдоль границы
Древней Боровской земли.

Тут деревья, там деревня –
Совьяки, Сороковеть...
Речка – спящая царевна,
Если издали смотреть.

Храм, как витязь в грубом шлеме,
Стережет благие сны.
Остановленное время
Наблюдаю до весны.

Звон в ушах, как будто – космос,
Нестаренье... Тишина.
Сквозь берёзовые космы
Ясно Родина видна.

ВЕРА

Играет баба на гармошке
И песни юности поет.
И кто-то платит понемножку,
Надеясь, видно, что дорожку
С ней в Царство Божее найдет.

Нельзя, чтобы Господь не принял
Свою кровинушку, дитя,
В саду иберисов и примул,
Фонтанов, статуй, словно в Риме,
В заоблачной беседке бдя.

А вместе с ней – и провожатых,
Не пожалевших серебра.
Ведь не они же виноваты
В том, что и ныне верят свято
Непобедимости добра

СНЕЖНЫЕ БАБЫ

Ничейный парк спускается в овраг.
В нем нет Венер, Амуров, Апполонов,
Но в обрамление неба и коряг
Пять снежных баб застыли, как колонны.

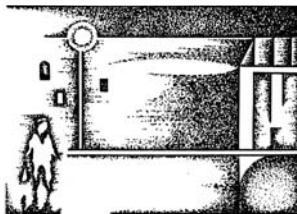
В каррарский мрамор превратил мороз
Их мягкие податливые плоти.
Фактурно-вызываюш только нос
У каждой на лице, и всякий пес
Обтягивает: пьете, дескать, тети.

Еще и птицы, сдернувшись с вершин,
Унизить норовят, наделать дряни.
Кому до бабьей дело есть души?
Пигмалионы, сопли осушив,
От них ушли (небось, как все, - в дворяне).

Поди, теперь изяшное «мерси»
Прокатывают через носоглотки.
А бабы ждут. Так мудро на Руси
Заведено. Но бабий век короткий.

И важно им, пока он не померк,
Под фейерверк снежинок, сдутых с век,
Уверовать в тысячелетье третьем,
Что существует Снежный человек,
Изрядно наследивший на планете.

Поэтому реальна встреча с ним –
ИХ человеком! – что уже не слабо.
В ничейном парке можно быть ничьим,
Ничьей или ничьими, но – не бабам.

ИСЬМА

Павлу Пантелееву

Переселенье народов идет – москвичей,
Обнинцев... - ближе к земле, в тишину архаизма.
Под Маламахово, синь опрокинув, ручей
Катится им на подмогу. Зовется он Исьма.

Словно река: то местами широк, то глубок,
С островом посередине – Любви (лягушачьей).
Кто-то рисует, однако выходит лубок.
Кто-то рыбачит, но с еле заметной удачей.

Что-то особое здесь: то ль повернута ось
Шара земного налево, то ль так красотища
Действует дико. Звенит комариная злость.
Ивы на берег выходят русалками с днища.

В желтых купальницах луг, в анемонах – лесок,
Травы в алмазах увесистых, царских не хуже.
Муж предлагает маленько взять наискосок,
Вброд перейти эту Исьму и храм обнаружить.

Дескать, он чувствует... Лезет в ручей, и в пейзаж
Смело вторгается, как в неопрятный быт – «Vanish».
- Не, - отвечаю, - ты путаешь явь и мираж,
Прочь от воды, это – чудь, тут козленочком станешь!

ПО ЛЕКАЛУ СЕРДЦА

Вчерашним дождем побита,
Земля в синяках сирени.
Но солнцем стерта обида.
Прошедшее всем – до фени.

Уметь надо отряхнуться,
Не оставляя занозы.
И вот, как счастье на блюде,
Поэзия вместо прозы!

Душа отворяет дверцы.
У птиц – мотив исцелений.
Глядишь, по лекалу сердца
Скроены гроздьи сирени.

А, может быть, и люпина...
Запах немного аптечный,
Врачующий в жизни длинной,
Чей образ весной – сердечный.

ЛИСТОК КАЛЕНДАРЯ

Две тысяча пятого года
В день двадцать шестой октября
Свернула на зиму погода.
Сверкнула морозом заря.

Ещё за дубы и берёзы,
Из сил выбиваясь, листва
Цеплялась. Но приняли позы –
Удары держать дерева.

Нельзя же представить Россию
Без вьюг и морозов! В окно
Узреть это – даже красиво,
Но врезалось глубже давно.

Безбрежное время мигрени,
Депрессий, ринитов, ОРВИ...
Лишь мощная зелень сирени
Осталась, как храм на крови.

Была ль ею задана нота,
Но явно читалось с лица –
Мол, надо же главное что-то
В себе сохранять до конца!

ВОЗЛЕ БУТОВКИ

Г.Черниковой

Возле Бутовки сюжеты не новы.
Бродят люди, не поднявши головы,
Типа клюкву собирают и грибы
И дурман-травой обмахивают лбы.

Мы за ними тоже двигаем в лесок
По болотным кочкам – с пятки на носок
И напротив – по-балетному – с носка...
Комариная в ушах звенит тоска.

И бидоны гулким звоном пустоты
Прошибает. Кислотой сводит рты,
Потому что каждый шарик напрямик
Как лекарство улетает под язык.

Водит нас, в траве сверкая иногда,
Путеводная звезда туда-сюда.
А у бутовцев – улыбки мудрецов:
Точно знают, кто тут водит. Цок-цок-цок...

Что-то странное. Вдруг, шляпы приподняв,
Нас приветствуют грибы – джентльмены дня.
Не они б – несли букет дурман-травы!
Возле Бутовки сюжеты не новы.

* * *

Возраст – ноша серьезная, глупою быть не по чину,
Стылый воздух глотая и бедных жалея окрест.
Все зима и зима на Руси, вечно небо с овчинку,
Но сыпается что-то в ладонь: крест, впечатанный в крест.

Это звезды? Снежинки? А, может, небесная манна?
Чтобы вырастить век, обозначить пунктирами плоть.
Размышляю, бреду. А навстречу мне тень из тумана.
-Здравствуй, странник! (Любой принимать может облик Господь).

Я слыхала о том. Я на сказках росла и былинах
И усвоила с детства: отказывать нищим нельзя
Ни в питье, ни в кутье, ни в скамье, ни в бесадах недлинных...
-Здравствуй! – он отвечает, слегка под бухого кося.

Я не чувствую власти его над землею и небом,
Атрибутов не вижу божественных – нет ничего,
Даже взгляда особого, голоса...

- Звать-то как?
- Глебом.

Впрочем, Бог, коль он есть, может быть и устами его.

Я пеняю на жизнь. Он внушает: - Довольствуйся малым,
Опирайся на что-то, ну, как я на посох...(суму
На плече поправляет движеньем простым и усталым).
И бормочет почти: - Надлежит исполняться всему.

В напряженном пространстве я слышу треск зябкого древа.
И молчу, догадавшись, откуда знаком мне сей слог...
Входит ветер во вкус, снег сечет землю справа налево,
По которой с печалью всезнания движется Бог.

ВЕСНА, ПУНКТ «А»

Очнувшись, словно от наркоза,
Весною, радуюсь без слов.
Ольха – российская мимоза –
Цветёт вдоль рек, дорог, лесов.

Я наблюдаю это лично
В окно, сквозь мутноватый слой,
Когда в автобусе привычно
Мчусь по ухабам в Боровск свой.

Проносятся деревни мимо
Со стайкой кур, с дымком в трубе.
- Ну, вот, и пережили зиму, -
Твердит попутчик сам себе.

И закалённые морозом
От зим однажды устают.
Взгляд тянется к пушным мимозам,
Позолотившим наш маршрут.

Рождаются цветные планы,
Как будто радуга во мне.
Пункт «а»: поставить лук в стаканы –
Зелёный парус дать весне

РОДИНА

Не хочу ни в Геную, ни в Нишшу.
Бить баклуши да морочить зной?!
Тропка деревенская пылится,
Крылья мне рисует за спиной.

Тяжело, а всё-таки взлетаю
Над сурепкой, клевером, сивцом.
Я спешу в сельпо: купить минтаю
Муркам-жмуркам, хлеба с леденцом...

Шмель поёт мне на ухо любовно.
Пугало приветствует кивком.
Тут недалеко – пожалуй, ровно
Десять километров с ветерком.

Чтобы время даром не летело,
Сочиняю планы и стихи.
И глядят немного обалдело
Куры на меня и петухи.

Ну каких ещё желать экзотик?
Солнце поднимается в зенит.
По небесным ямам самолётик
К берегу лазурному летит.

Я гляжу вослед ему тревожно.
Бормочу: «Счастливого пути».
Помахала бы рукой, да сложно –
Прижимаю родину к груди.

